

СЭНДИТОН

Глава 1

Джентльмен и леди путешествовали из Тонбриджа в направлении той части сассекского побережья, которая расположена между Гастингсом и Истбурном. Дело вынудило их свернуть с тракта на почти непроезжий проселок. На крутом подъеме, слагавшемся наполовину из камней, наполовину из песка, карета опрокинулась. Случилось это сразу же за единственным господским домом вблизи проселка. И кучер, едва они указали ему, куда ехать, немедля предположил, что нужно им именно туда, и сердито насупился, когда был вынужден проехать мимо. Он без конца ворчал, и пожимал плечами, и жалел своих лошадок, и нахлестывал их с горячностью, возбудившей бы невольное подозрение, а не опрокинул ли он карету нарочно (тем более что она не принадлежала его хозяину), если бы дорога не стала еще хуже, едва указанный дом остался позади, и кучер с умным видом знатока объявил, что дальше никакие колеса не справятся, кроме тележных. Падение кареты оказалось менее сокрушительным, чем могло бы, так как лошади брели

шагом, а проселок был узким. И когда джентльмен выкарабкался наружу, а затем помог выбраться своей спутнице, и он и она вначале, казалось, отделались потрясением и несколькими синяками. Однако затем выяснилось, что джентльмен вывихнул ступню и, ощутив это, через минуту-другую был вынужден прервать выговор кучеру и поздравления своей супруге и себе. Не в силах более стоять, он опустился на откос.

— Что-то тут не так, — сказал он, прижимая ладонь к лодыжке, — но ничего, моя дорогая (с улыбкой подняв на нее глаза), это не могло произойти в лучшем месте, знаете ли. Добро из худа. Пожалуй, лучшее, чего можно пожелать. Скоро нам придут на помощь. Вон там, думается, я найду излечение. — И он указал на виднеющийся на некотором расстоянии за деревьями коттедж, романтично расположенный на лесном холме. — Ведь, конечно же, это то самое место.

Его супруга горячо надеялась, что он не ошибается. Она стояла вне себя от ужаса и тревоги, не способная что-нибудь сделать или посоветовать, но затем почувствовала первое истинное облегчение, увидев несколько человек, спешающих им на помощь.

Опрокинувшуюся карету заметили с луга, примыкавшего к дому, мимо которого они проехали, и к ним направлялся крепкий красивый мужчина, несомненно джентльмен, который в этот час был среди своих косцов, и трое-четверо наиболее сильных из них, которых он позвал с собой, не говоря

уж об остальных рабочих, а также женщинах и детях, следовавших за ними в отдалении.

Мистер Хейвуд (так звали владельца поместья) поздоровался очень учтиво, весьма озабоченный случившимся с ними, но и несколько удивленный, что кто-то рискнул поехать по такой дороге в карете. Он предложил им всемерную помощь. Его любезные предложения были приняты с благодарностью, и пока двое козцов помогали кучеру поднять карету, путешественник сказал:

— Вы чрезвычайно любезны, сэр, и я ловлю вас на слове. Моя нога, надеюсь, повреждена несерьезно, однако в подобных случаях всегда разумно безотлагательно заручиться мнением хирурга, а поскольку дорога в настоящее время не позволяет мне добраться до его дома самому, я буду глубоко признателен вам, если вы пошлете кого-нибудь из этих добрых людей за хирургом.

— За хирургом, сэр! Боюсь, в здешних местах хирурга не найдется, но, полагаю, мы отлично обойдемся без него.

— Нет, сэр, если он в отъезде, у него же есть партнер, и он заменит его не хуже или даже лучше. Я даже предпочту его партнера. Кто-нибудь из этих добрых людей, я уверен, может быть у него через три минуты. Мне нет нужды спрашивать, вижу ли я там его дом, — поглядел он в сторону коттеджа. — Ведь за исключением вашего собственного мы не видели тут ни единого дома, который может быть жилищем джентльмена.

Мистер Хейвуд был весьма изумлен и ответил:

— Как, сэр! Неужели вы думали найти в этом коттедже хирурга? У нас в приходе нет ни хирурга, ни его партнера, уверяю вас.

— Прошу прощения, сэр, — ответил путешественник. — Сожалею, если покажется, будто я вам возражаю, но из-за размеров прихода или по какой-то иной причине вам может быть неизвестно... Погодите... Или я ошибся адресом? Разве это не Уиллингден?

— Да, сэр, это, несомненно, Уиллингден.

— В таком случае, сэр, я могу предъявить доказательство, что в вашем приходе хирург есть, известно ли вам это или нет. Вот, сэр. — Он извлек бумажник. — Если вы окажете мне любезность взглянуть на эти объявления, которые я собственноручно вырезал из «Морнинг пост» и «Кентиш газетт» вчера утром в Лондоне, полагаю, вы убедитесь, что я говорю не наугад. Это объявление, сэр, о расторжении партнерства, врачебного, в вашем собственном приходе: обширная практика, незапятнанная репутация, солидные рекомендации, — с целью открыть собственную практику. Тут все подробно изложено, сэр! — И он протянул мистеру Хейвуду две маленькие овальные вырезки.

— Сэр, — сказал мистер Хейвуд с добродушной усмешкой, — покажи вы мне все, что газеты напечатали по всей стране за последнюю неделю, вы не убедили бы меня, будто в Уиллингдене практикует хирург. Поскольку живу тут с рождения — маль-

чиком и мужчиной — вот уже пятьдесят семь лет, полагаю, я должен был бы знать про такого медика. По меньшей мере посмею сказать, что практика у него никак не обширная. Хотя, конечно, если джентльмены в дорожных экипажах начнут часто сворачивать на этот проселок, хирург не прогадал бы, обзаведись он домом на вершине этого холма. Но что до коттеджа, так, могу заверить вас, сэр, что, хотя он на таком расстоянии и выглядит нарядным, по правде он, как и все жилища в этом приходе, состоит из двух половин и что одну занимает мой пастух, а другую — три старухи. — При этих словах он взял вырезки и, прочитав их, добавил: — По-моему, у меня есть объяснение, сэр. В этих краях имеются два Уиллингдена, и ваше объявление подразумевает другой, то есть Грейт-Уиллингден, или Уиллингден-Эбботс. Он находится в семи милях отсюда, по ту сторону Бэттла в низине Уилда. А мы, сэр, — с порядочной гордостью, — к Уилду не относимся.

— Да уж, не к низине Уилда, не сомневаюсь, сэр, — сказал путешественник шутливо. — Мы взбирались на ваш холм добрых полчаса. Что же, сэр, полагаю, вы правы, и я допустил глупейший промах. Все в такой спешке. Объявления попались мне на глаза только в последние полчаса нашего пребывания в городе, среди суматохи, которая неизбежна, когда приезжаешь туда на краткий срок. Не успеваешь закончить дела, знаете ли, а карета уже у дверей. Ну и, удовлетворившись самым

кратким наведением справок и обнаружив, что мы будем проезжать всего в миле-двух от какого-то Уиллингдона, я удовлетворился этим... Моя дорогая, — обратился он к жене, — я крайне сожалею, что вверг вас в такую переделку. Но о моей ноге не тревожьтесь. Она совершенно не болит, если ею не шевелить. И, едва эти добрые люди сумеют поднять карету и повернуть лошадей, разумней всего нам будет вернуться на тракт и отправиться в Хейлшем, а оттуда домой, ничего больше не предпринимая. Два часа от Хейлшема до дома. А там — наше собственное лекарство. Немножко нашего бодрящего морского воздуха скоро поставит меня на ноги. Поверьте, моя дорогая, это как раз недуг для моря. Соленый воздух и погружение приведут все в порядок. Я уже ощущаю это.

Тут мистер Хейвуд вмешался, самым дружественным образом уговаривая их и думать не сметь о продолжении пути, пока лодыжка не будет осмотрена и они не подкрепятся. Он со всей сердечностью настаивал, чтобы они воспользовались его домом для того и другого.

— У нас всегда большой запас, — сказал он, — всех обычных средств от растяжений и ушибов. И, ручаюсь, моей жене и дочерям будет большим удовольствием оказать помощь вам и вашей супруге, насколько это в их силах.

Сильная боль при попытке пошевелить ступней принудила путешественника признать, что немедленная помощь куда желательнее, чем он полагал

вначале. И он обратился к жене с несколько иными словами:

— Что же, моя дорогая, думаю, так для нас будет лучше. — Вновь обернувшись к мистеру Хейвуду, он продолжил: — Прежде чем мы примем ваше гостеприимство, сэр, и чтобы рассеять неблагоприятное впечатление, какое может оставить у вас моя нелепая погоня за химерой, разрешите мне представиться. Моя фамилия Паркер. Мистер Паркер из Сэндитона. Эта дама — моя супруга, миссис Паркер. Мы едем домой из Лондона. Мое имя, быть может — хоть я и отнюдь не первый в моей семье, кто владеет землей в приходе Сэндитон неизвестно на таком расстоянии от побережья, но сам Сэндитон... о Сэндитоне слышали все, о наилучшем морском курорте, самом новом и расцветающем морском курорте из всех, какие существуют на берегах Сассекса, наиболее возысканном природой и обещающем быть наиболее избранным людьми.

— Да, про Сэндитон я слышал, — ответил мистер Хейвуд. — Каждые пять лет слышишь о том или ином местечке, возникающем у моря и входящем в моду. Просто чудо, что хотя бы половина их может заполняться. Откуда берутся люди, располагающие достаточными деньгами или временем, чтобы ездить туда! Вредные для страны, неизбежно поднимающие цены на провизию и лишаящие бедняков пропитания, как, смею сказать, вы убеждаетесь, сэр.

— Вовсе нет, сэр, вовсе нет! — вскричал мистер Паркер с энтузиазмом. — Как раз наоборот, уверяю вас. Распространенное убеждение, но ошибочное. Возможно, это верно по отношению к большим разросшимся курортам вроде Брайтона, или Уортинга, или Истбурна, но не к такой деревушке, как Сэндитон, самые размеры которой исключают вторжение туда любых зол цивилизации. А ее разрастание, дома, сады, потребность во всем необходимом для отдыха изысканнейшего общества, слагающегося из семей самого благородного происхождения и репутации, чье присутствие всегда благо, обеспечивают беднякам работу, а также всем другим комфорт и всякие улучшения. Нет, сэр, уверяю вас, Сэндитон не то место...

— Я не собираюсь выделять какое-либо место, сэр, — ответил мистер Хейвуд. — Я просто считаю, что наш берег чересчур ими переполнен. Но не лучше ли перенести вас...

— Наш берег чересчур переполнен, — повторил мистер Паркер. — Тут, пожалуй, мы не слишком расходимся. По меньшей мере их более чем достаточно. Наш берег насыщен и не требует добавлений. Достаточно для любых вкусов и любых финансов. А добрые люди, старающиеся пополнить их число, на мой взгляд, нелепы до чрезвычайности и вскоре должны стать жертвами собственных ошибочных расчетов. Такое место, как Сэндитон, сэр, могу я сказать, просто требовалось, было необходимо. Его выделила сама природа. Неопровер-

жимо указала на него. Прекраснейший чистейший морской бриз, как нигде на побережье, что всеми признано, великолепное купание, чудесный твердый песок, глубоководье в десяти ярдах от берега, ни ила, ни водорослей, ни осклизлых камней. Не найти другого места, столь очевидно предназначенного природой курорту для недужных, в котором нуждаются тысячи. Удобнейшее расстояние от Лондона! На полную точно измеренную милю ближе Истбурна. Только подумайте, сэр, какое благо сэкономить целую милю в конце долгой поездки! Но Бриншор, сэр, который, пожалуй, вы имеете в виду, это прошлогодняя попытка двух-трех спекулянтов преобразить убогое селенье, втиснутое между загнивающим болотом, унылой вересковой пустошью и постоянными наносами разлагающихся водорослей, попытка, которая может завершиться только полным их разочарованием. Чем, во имя здравого смысла, может привлечь Бриншор? Самый нездоровый воздух, отвратительные дороги, омерзительнейшая на вкус вода — ближе трех миль от этого места невозможно надеяться на чашку приличного чая. Ну а почва до того холодная и неплодородная, что на ней и кочана капусты не вырастить! Поверьте, сэр, это точное описание Бриншора, ни в чем не преувеличенное, и если вы слышали о нем что-либо другое...

— Сэр, я никогда прежде ничего о нем не слышал, — сказал мистер Хейвуд. — Понятия не имел, что такое место существует.

— Неужели! Вот, моя дорогая, — обернулся он к жене, — вы видите, чего стоит прославленность Бриншора! Этот джентльмен понятия не имеет, что он существует. Поистине, сэр, мы можем приложить к Бриншору строку поэта Купера, противопоставившего верующую крестьянку Вольтеру: «Не ведала она про мир, лежащий в миле от родного дома».

— Да, ради всего святого, сэр, прилагайте к нему любые стихи, какие хотите. Но я хочу, чтобы что-то приложили к вашей ноге. И по лицу вашей супруги вижу, что она того же мнения и считает, что не стоит более терять времени. А вот и мои девочки идут пригласить вас от своего имени и от имени своей матери. — Из дома вышли три молодые барышни в сопровождении такого же числа служанок. — Я уже недоумевал, как это они не заметили такой суматохи. В такой глуши, как наша, подобное случается редко. И теперь, сэр, поглядим, как лучше перенести вас в дом.

Глава 2

Знакомство, завязавшееся столь странно, оказалось не кратким и не мимолетным. Путешественники оставались в Уиллингдене целых две недели. Вывих мистера Паркера был настолько серьезен, что тронуться в путь раньше он никак не мог. Оказался он в хороших руках. Хейвуды во всех отношениях были респектабельнейшей семьей и окружали мужа с женой всевозможными заботами и вниманием без

малейшей навязчивости или претенциозности. За ним попечительно ухаживали, ее утешали и подбодряли. А поскольку все изъявления гостеприимства и дружественности принимались, как того заслуживали, и поскольку доброжелательность одних встречала равную благодарность других, а манеры всех отличались приятностью, то на протяжении этих двух недель они сблизились по-настоящему.

Характер и история мистера Паркера вскоре стали известны во всей полноте. Он с готовностью сообщал все, что знал о себе, будучи по натуре на редкость откровенным. А о том, чего он сам не знал, его разговоры сообщали дополнительные сведения тем Хейвудам, которые умели их распознать. Они убедились, что он энтузиаст во всем связанном с Сэндитоном, величайший энтузиаст. Сэндитон, успех Сэндитона как маленького модного морского курорта, казалось, составляли цель его жизни. Лишь несколько лет назад это была тихая деревушка, ни на что не претендовавшая, но некоторые природные достоинства ее расположения и другие случайные обстоятельства навели на мысль его и второго тамошнего крупного землевладельца, что из всего этого можно извлечь выгоду. И они принялись планировать, и строить, и расхваливать, и пыхтеть, подняв Сэндитон до высоты интересной новинки, и теперь мистер Паркер ни о чем другом и думать не мог.

В конце концов он все-таки перешел к фактам. Ему тридцать пять, женат — и очень счастливо

женат — вот уже семь лет. И дома их ждут четверо прелестных детишек. Он из респектабельной семьи с приличным, хотя и не внушительным состоянием. Профессионального образования не получил, унаследовав как старший сын имение, которым до него владели, приумножая его, два-три предыдущих поколения; у него два брата и две сестры, все одинокие и обеспеченные. Собственно, старший из двух его братьев благодаря добавочному наследству обеспечен не хуже его самого.

Причина, почему они свернули с тракта в поисках поместившего объявление хирурга, также была изложена без экивоков. Без всякого намерения вывихнуть лодыжку или еще как-либо пострадать на пользу этому хирургу и не для того, чтобы — как тут же предположил мистер Хейвуд — стать его партнером, а всего лишь из желания водворить какого-нибудь медика в Сэндитоне. Характер объявлений внушил ему, что устроить это можно будет в Уиллингдене. Он не сомневался, что наличие врача весьма существенно поспособствует развитию и процветанию его курорта и даже обеспечит значительный приток клиентов, ведь все остальное уже было устроено. У него было достаточно оснований полагать, что в прошлом году по меньшей мере одна семья отказалась по этой причине от намерения опробовать Сэндитон, а возможно, таких было и гораздо больше. Да и его собственные, увы, страдающие разными недугами сестры, которых ему не терпелось пригласить на лето в Сэндитон,

навряд ли рискнут отправиться туда, где не смогут незамедлительно получить врачебный совет.

В целом мистер Паркер, несомненно, был приятным человеком, хорошим семьянином, любящим жену, детей, братьев и сестер, — вообще добросердечным, либеральным, истинным джентльменом, всем довольным, по натуре сангвиником, более следующим воображению, нежели рассудительности. А миссис Паркер была, несомненно, кроткой приятной женщиной с покладистым характером, самой лучшей на свете женой для человека с сильной натурой, но лишенной способности на сдерживающие советы, которые порой требовались ее супругу, и настолько сама всегда нуждалась в руководстве, что, рисковал ли он своими деньгами или вывихивал лодыжку, она оставалась равно бесполезной.

Сэндитон был для него второй женой и четверья детьми, едва ли менее дорогим его сердцу и, безусловно, куда более его занимавшим. Говорить о нем он мог без конца. Сэндитон, безусловно, имел все права быть самым главным. И не только как место рождения, владение и семейный очаг. Сэндитон был его золотым прииском, его лотереей, его надеждой и его коньком, его занятием и его будущим. Он горел желанием пригласить туда своих добрых уиллингденских друзей, и его старания были столь же исполненными благодарности и бескорыстными, как и сердечными.

Он желал заручиться обещанием, что они приедут — столько членов семьи, скольких способен